Давос вынужден был признать, что он действительно живет в поганом мире. Он не был незнаком с этой истиной и не был новичком в получении этого просветления. Он знал это с того момента, как прожил свою жизнь в Блошином Дне.

С юных лет он жил на улице, полной дерьма высоких лордов, занимавших Красные Владения. Он решил, что будет прокладывать свой собственный путь в этом мире на своих условиях. На какое-то время эта вера сделала его сильным и сделала одним из лучших контрабандистов. Он зарабатывал на жизнь тем, что обходил законы, установленные верховными лордами.

Он считал это справедливым, поскольку большинство высоких лордов избегали его рода, как чумы, и относились к ним, как к грязи, которая стелется под их сапогами. Какое-то время его жизнь была полна приключений, и он жил в соответствии со своим кредо достаточно счастливо. Потом он встретил свою будущую жену и создал семью. У него родились дети, и каждый раз, когда он выходил в море, чтобы накормить свою семью, ему приходилось видеть их испуганные глаза, наполненные тревогой. Каждый раз, когда он видел этот взгляд, он чувствовал тяжесть в сердце, но он не знал другого ремесла, кроме как быть контрабандистом.

Контрабанда стала его образом жизни, и он не мог найти выход из своего ремесла. Когда Вестерос погрузился в войну, которая бушевала больше года, он сколотил состояние на контрабанде. В конце концов, каждый высокорожденный, как и каждый трудоспособный мелкорожденный, был занят на чьей-то войне.

Именно в этот момент он увидел возможность, и так он приплыл в Штормс-Энд со своей лодкой, полной соленой говядины и лука. Он должен был уклониться от обнаружения флотом Редвинов, но после целой жизни, проведенной в уклонении от Королевского флота, эта новая миссия, взятая на себя, была слишком легкой. Там он встретил Станниса Баратеона, и Станнис дал ему все, чего он желал, и даже больше. Он мог потерять свои пальцы, но Станнис дал своему сыну лучшую жизнь. Давос получил лордство и собственный замок. Он даже дошел до того, что объявил его десницей короля, что для Станниса Баратеона было справедливо и почетно.

Но Давос имел несчастье наблюдать, как этот великий человек стал извращенным из-за своего желания заполучить Железный трон. Некогда справедливый человек превратился в извращенного фанатика, окруженного группой фанатиков, которые окружили законного короля Вестероса.

После поражения, которое потерпел король Станнис в заливе Черноводной, именно Давос предложил Станнису отвести остатки его армии к Стене. Это был разумный план, и им даже удалось победить одичалых, тем самым спасая Ночной Дозор и другие северные дома. Именно на Стене он встретил Джона Сноу, и даже королю Станнису очень понравился мальчик. Поэтому, несмотря на то, что король Станнис знал о противоречивой клятве мальчика, он предложил узаконить его как Джона Старка.

Когда мальчик отказался от этого предложения за верность своей клятве, он знал, что король Станнис был разочарован, но он знал, что тот был очень впечатлен. Когда пришло время королю выступить с армией и отвоевать Север у Болтонов, Давосу было приказано вернуться на

Стену на полпути. Сколько бы Давос ни умолял короля, он все равно взял Ширин и его королеву с собой в армию, и у него сложилось впечатление, что это произошло из-за красной женщины.

Пока Станнис вел свою армию по Северу, Джон Сноу, избранный новым лордом-командующим Ночного Дозора, успел спасти несколько одичалых из Хардхоума. Большинство одичалых были детьми и женщинами. Братья Ночного Дозора были недовольны решением Джона Сноу, и напряжение в их рядах было велико. Это было связано с тем, что те, кто пошел с Джоном Сноу, увидели армию мертвецов и Белых Ходоков. В то время как в Ночном Дозоре воцарился непростой мир, а Ночной Дозор открыл туннели, чтобы дать одичалым возможность поселиться в Даре, Красная жрица вернулась в одиночестве. Давос неоднократно расспрашивал ее о Ширин, но красная женщина не хотела говорить ни о девушке, ни о битве. Она лишь сказала, что битва была проиграна и все погибли, включая Станниса, королеву Селису и маленькую Ширин.

Давос был вне себя от гнева на красную женщину, и он действительно убил бы ее, если бы не то, что случилось с Джоном Сноу. Молодого парня предали его собственные братья из Ночного Дозора и зарезали под покровом темноты. Сейчас тот самый парень сидел в трех шагах от него, глядя в пламя с кружкой эля в руках. Давосу было неприятно признавать это, но воскрешение Джона Сноу было единственным добрым делом, совершенным Красной женщиной с тех пор, как она пришла в Вестерос.

"Ты в порядке, парень?" мягко спросил Давос, прекрасно понимая, насколько все хреново.

"Я не должен быть здесь. Это неправильно! Я умер, и все же я жив. Я должен быть с Богом и быть в мире", - сказал Джон, и Давос испустил тихий вздох облегчения, поскольку это были первые слова, которые Джон Сноу произнес после своего воскрешения несколько минут назад.

"Ничто больше не имеет смысла. Нам говорили, что магии не существует, но мы знаем, что это правда. Нам говорили, что Белых Ходоков не существует, но мы знаем, что они реальны. Несколько мгновений назад ты был мертв, но теперь ты жив. Этого не должно быть, но это то, что есть", - сказал Давос, но он видел, что Джон все еще задумчив со странным выражением лица.

"Послушай, я отчасти понимаю, через что ты проходишь. Ты изо всех сил старался выполнить свой долг лорда-командующего, и тебе пришлось принять решение, которое не понравилось остальным твоим заклятым братьям. Вы погибли из-за их предательства, и вот вы здесь, получили второй шанс на жизнь. Знаете ли вы, как многие жаждали бы второго шанса? И вот вы здесь, самый счастливый из всех, и вы можете сделать много хорошего, используя этот шанс. Вы уже сделали много хорошего, когда спасли тысячи людей и вывели их благополучно за Стену. Наш мир - дерьмовый мир, но именно такие люди, как вы, дают нашему миру маленький лучик надежды на будущее. Теперь тебе предстоит решить, будешь ли ты продолжать творить добро или погрязнешь в жалости к себе".

Давос заметил, что Джон смотрит на него нечитаемым взглядом.

"Вы хороший человек, сир Давос, и вы правы. Мне не следует предаваться жалости к себе, когда многие люди находятся в опасности". Джон кивнул сам себе, словно приходя к какому-то решению.

"Что случилось после того, как я... ну, вы знаете...?" Джон спросил неловко

"Сир Аллистер и его приспешники захватили Ночной Дозор. Твой друг Эдд и несколько единомышленников из числа заклятых братьев не дали сжечь твое тело. Красная Женщина воскресила тебя, и пока это происходило, Эдду удалось заручиться помощью Вольного народа. По понятным причинам они не были рады узнать, что человек, спасший их, был зарезан. Сир Аллистер и его сообщники были пойманы и ожидают вашего приговора". Давос объяснил и на мгновение стал наблюдать, как Джон снова погрузился в глубокую задумчивость.

"Я не знаю, могу ли я это сделать или даже должен. Какое право я имею лишать их жизни? Они делали то, что считали правильным. Ночной Дозор воевал с одичалыми с самого своего основания, и это вековое соперничество и ненависть не собирались исчезать только потому, что я навязываю им этот вопрос. Впрочем, у меня не было особого выбора в этом вопросе. Время было не на моей стороне". Джон издал разочарованный вздох, снова погрузившись в раздумья.

"Как ты сказал, время было не на твоей стороне в тот момент, и ты поступил так, как считал нужным. Не все поймут или даже согласятся с твоими действиями, но ты сделал то, что должно было быть сделано, и тысячи людей обязаны тебе за это решение. Я бы сказал, что это делает вас величайшим лордом-командующим Ночного Дозора. Если вы спросите почему, то я отвечу, что потому, что вы спасли больше жизней, чем забрали", - сказал Давос и посмотрел, как Джон кивнул сам себе и встал со своего места.

"Мне следовало внимательнее прислушаться к совету мейстера Эйемона. Убей мальчика и дай родиться мужчине, сказал он. Я принял меры и спас Вольный народ, но не предпринял никаких действий, даже когда узнал, что Дозор разделился. Я должен был действовать первым и пресечь любые мятежные мысли. Я совершил эту ошибку и больше не повторю ее", - сказал Джон, а Давос наблюдал, как юноша закрепил на поясе Длинный Коготь. Быстрыми размеренными шагами он смотрел, как Джон выходит из комнаты на холодный морозный воздух Севера.

Не желая оставаться в стороне, Давос тоже вышел рядом с Джоном и последовал за юношей вниз по ступеням. Тишина в Черном замке была осязаемой, и Давос заметил, что их шаги отдаются эхом в стенах. Вольный народ и братья из Ночного Дозора смотрели на Джона так, словно он был Чужаком, получившим жизнь, или Старыми Богами. Он не знал, в каких богов они верят, но в их взглядах читались благоговение и страх - здоровое сочетание, которое, по его мнению, приличествует богу.

Давос наблюдал, как Джон обменивается словами с Тормундом, который привел одичалых в Черный замок, и Эддом, который является верным другом Джона. Когда Джон поднялся по ступеням к месту, где были повешены все предатели, он, как и другие, подошел поближе, чтобы услышать, что скажет Джон. Вместо того чтобы выслушать последние пожелания

предателей, как он думал, Джон обратился к Вольному народу и Ночному Дозору.

"Когда я принял решение позволить Вольному народу поселиться к югу от Стены, я сделал это с намерением спасти их и нас. Мы все знаем, что Белые Ходоки и армия мертвецов идут на Стену. Все, кто живет к северу от Стены, будут вынуждены сражаться за Ночного Короля, и у меня был выбор: позволить Вольному народу погибнуть от его руки или спасти их. Я выбрал спасти их, потому что они такие же живые, дышащие существа, как и мы. Я не могу сказать того же о Белых Ходоках и их армии мертвецов. Когда они придут, а они придут, я надеялся, что все живые соберутся здесь, чтобы вместе бороться с тьмой. У нас могут быть разногласия, но Ночной Дозор - это орден, который поклялся защищать то, что находится к югу от Стены. Мы не сможем защитить царства людей, если будем сражаться с сотней тысяч или вдвое большим числом мертвецов в составе пятидесяти человек. Но некоторые из вас даже не понимают, что поставлено на карту, и продолжают ненавидеть Свободный народ, даже когда нам грозит уничтожение". Джон бросил грязный взгляд на Аллистера Торна и продолжил...

"Эти прекрасные люди, стоявшие позади меня, имели схожие убеждения, и их слепая ненависть заставила их заколоть меня под покровом ночи. У них не хватило порядочности даже сразиться со мной лицом к лицу, как и положено настоящим мужчинам. Они трусы, и когда они взяли в руки меч против меня, они взяли в руки меч против всего человечества. За этот поступок может быть только одно наказание - смерть!" крикнул Джон, взмахнув мечом и перерубив веревку, ведущую к двери-ловушке.

Все предатели повисли на веревке, и Давос увидел, что Джон уже тяжело дышит. Джон сошел с подиума и повернулся к Эдду, стоявшему рядом с ним.

"Убедитесь, что они мертвы, а затем привяжите их к веревке и перебросьте через Стену. Если они восстанут из мертвых, отрубите им ноги и руки и закрепите в ящике с цепями. Если мы хотим, чтобы лорды Вестероса восприняли нас всерьез, мы должны предъявить им доказательства", - сказал Джон и собрался идти вперед, но остановился на полпути и расстегнул плащ.

"Моя вахта окончена", - сказал Джон, передал свой черный плащ Эдду и вышел со двора.

Братья Ночного Дозора, как и Вольный Народ, не произнесли ни слова, слишком потрясенные тем, что произошло за несколько мгновений.

Позже, когда Давос стал беспокоиться по поводу отсутствия Джона в Черном замке, он узнал от одного из стражников в туннеле, что Джон ушел на север от Стены и молится перед Деревом Сердца. Хотя у Давоса были некоторые реальные опасения по поводу северной стороны Стены, он решил не беспокоить юношу. Он и так видел, что в Джоне Сноу произошло слишком много изменений. Хотя обычная задумчивость все еще сохранялась, парень ходил иначе, чем раньше.

Когда Давос впервые увидел его, парень шел так, словно на его плечах лежал огромный груз, а теперь он шел прямо, с высоко поднятой головой. В этом не было ничего плохого, но было и то,

как Джон Сноу говорил. Джон, которого он знал, был человеком немногословным, и речь, которую он произнес перед Ночным Дозором, очень обеспокоила Давоса. Впрочем, это было вполне объяснимо, ведь парень был мертв за несколько минут до этого, так что должны были произойти какие-то изменения. Он только молился, чтобы изменений было не слишком много. Он уже видел, как рыжая женщина, словно ястреб, следит за туннелем, и поклялся себе, что не позволит ее когтям впиться в Джона Сноу. Только не сейчас, когда он еще дышит!

Джон Сноу был очень смущен и испуган, когда снова задышал, как все живые. Дело было не только в том, что несколько минут назад он был мертв, скорее он был не совсем собой и в то же время собой. Когда он вернулся из того места, куда отправилась его душа после смерти, он вернулся с другой душой. Он был Джоном Сноу, но в то же время он был Кристофером Поулом. Ему казалось, что он прожил целую жизнь в другом мире, который, откровенно говоря, выглядел волшебным по сравнению с тем, в котором он сейчас находился.

Кристофер был человеком, который работал вольным наемником. Большую часть времени он занимался получением секретной информации для бизнес-магнатов и даже иногда для правительства. Кристофер погиб, когда одно из таких заданий оказалось ловушкой, и в следующий момент на него обрушились воспоминания, чувства и инстинкты Джона Сноу. Шок от его смерти, а также пробуждение в другом теле с целым набором новых воспоминаний изрядно потрепали его психику. Ему потребовался почти час, чтобы осознать, что он находится в теле Джона Сноу, бастарда Винтерфелла и лорда-командующего Ночного Дозора. Пока в его сознании шла внутренняя битва между личностями Джона Сноу и Кристофера Поула, внешний мир сходил с ума.

Была Красная жрица, одержимая своим богом, и был сир Давос, который намеревался держать эту жрицу на расстоянии. В этой ситуации единственное, что он мог сделать, - это заткнуться и отгородиться от всего их нытья. Потребовался почти час, чтобы взять себя в руки, и он последовал своим действиям, как мог. Пока его голова раскалывалась от мегатонной головной боли, он успел поприветствовать Давоса, Тормунда и Эдда. Он сделал все возможное, чтобы выглядеть достаточно здравомыслящим, и повесил предателей. Сразу же после этого он направился к дереву Вейрвуд, потому что это было единственное место, где Джон мог найти хоть какое-то подобие тишины и покоя.

Так он и оказался перед белым деревом Вейрвуд. Это было то самое дерево, которое стало свидетелем клятвы Джона Ночному Дозору.

Довольно долго он сидел перед деревом и не отрываясь смотрел на вырезанное на нем лицо. По прошествии некоторого времени он почувствовал, что двигается, словно в трансе. Он почувствовал тяжесть в руке и понял, что это Лонгклав. Без малейших сомнений он начал наносить удары по вырезанному на дереве лицу.

После трех ударов на острие Лонгкло появилось зеленое пятно, и Джон перестал бить. Положив меч на землю, он снял с руки перчатки. Он плотно прижал ладонь к клинку, и острие клинка из валирийской стали легко вонзилось в его ладонь, пустив кровь. В этот момент он не имел ни малейшего представления о том, что делает, и действовал на чистом инстинкте. Он размазал свою кровь по дереву и кровоточащей ладонью набрал зеленой пасты столько, сколько смогла собрать его рука. Не теряя ни минуты, он стал глотать ее, и, как ни странно, по

вкусу она напоминала сок амлы. Вкус был горьковатым, но в этот момент Джону было уже все равно. Когда последний кусочек зеленой пасты просочился через его горло, он почувствовал, как чернота поглощает его, и больше он ничего не знал.

"Так странно. Ты вырвался из оков судьбы. Интересно, что ты будешь делать, Джон Сноу? Я не должен так удивляться, ведь в тебе есть непредсказуемость волчьей крови и огромная сила крови дракона. Я желаю тебе удачи в грядущих войнах". Джон услышал голос, шепчущий из окружающей его темноты, а затем произошла вспышка света, осветившая его глаза белым светом. Одно за другим в его голове пронеслись все воспоминания с момента его рождения в Башне Радости до момента его смерти. В отличие от прошлого раза у него не болела раскалывающаяся голова, а было ощущение, что он за один раз переживает последние семнадцать лет. Он почувствовал разочарование, когда узнал, что он бастард и что это значит. Он чувствовал себя чужаком в Винтерфелле, и желание получить фамилию Старк пустило корни в его сознании. Он чувствовал стыд за то, что был пятном на чести лорда Эддарда Старка, своего отца, который оказался его дядей. Он чувствовал холодные взгляды, которые он получал от леди Кейтилин, и боль, которую он испытывал, когда понял, что его никогда не примут в Винтерфелле. Он почувствовал момент, когда понял, что должен принять Черное, а не страдать от того, что он чужой в Винтерфелле. Он почувствовал разочарование, когда понял, что его отец (дядя) даже не предупредил его о плачевном состоянии Ночного Дозора после того, как увидел правду собственными глазами. Он ощутил океан ярости и страдания, когда одну за другой его семью убивали на Юге. Он ощутил душевную боль, которая почти поглотила его целиком, когда он беспомощно наблюдал, как Игритт умирает прямо на его глазах. Он ощутил глубокое чувство потери, когда сжег ее тело в лесу. И наконец, он испытал шок и боль, когда его предали его же заклятые братья.

С задыхающимся дыханием сознание вернулось в его тело, и он почувствовал, что впервые с тех пор, как очнулся в этом мире, был в здравом уме. Больше не было ни голосов, ни вспышек воспоминаний, которые отвлекали его от окружающей действительности. Теперь он понял, кто он такой. Он - Джон Сноу, но его настоящее имя - Дейрон Таргариен, сын Рейегара Таргариена и Лианны Старк, законный наследник Железного трона Вестероса. К этому моменту он стоял на коленях перед деревом Вейрвуд. Он поднял себя со снега и случайно положил руку на дерево Вейрвуд.

По его телу разлилось тепло, и он почувствовал, как его сознание частично отделилось от тела. В следующее мгновение он увидел, что находится внутри псарни замка Балк. Джон понял, что превратился в Призрака и видит его глазами своего верного товарища. Волк тут же завыл, и Джон не знал, от радости или от боли. Ему хотелось бы думать, что от радости, поскольку их разумы синхронизировались гораздо лучше, чем когда-либо прежде. Он начал чувствовать даже струйку эмоций от Призрака и с облегчением отметил, что это было удовлетворение, смешанное с некоторым счастьем.

На краткий миг он оказался в собственном теле, но тут же, по инстинкту, снова впал в состояние войны. На этот раз он оказался в темной комнате, но со временем его зрение начало постепенно проясняться. Хотя видимость была низкой, он смог разглядеть змеевидную фигуру рядом с собой. Как только в его голове возник вопрос о том, что же он видит, ответ прозвучал в крике.

"Визерион... брат".

И тут Джон понял, что он превратился в зеленого дракона Раегала, которого Дейенерис назвала в честь своего старшего брата Раегара. Джон на мгновение был ошеломлен тем, что он может колдовать в дракона, да еще и на расстоянии многих миль друг от друга. В его голове за секунду промелькнули планы, и в памяти всплыло далекое воспоминание о том, как он учился у мейстера Лювина.

"Sōvegon(лети)". скомандовал Джон на высоком валирийском языке через ментальную связь.

Джон решил попробовать в темноте, но, к счастью, это оказалось верным. Рхегаль начал дышать пламенем на стены под пирамидой, и сильный жар быстро расплавил камни. Зеленый дракон взмахнул хвостом, снес остатки каменной стены и быстро взмыл в небо. Джон слышал крики Визериона по ментальной связи, но Ригал продолжал лететь. Странно, но у него возникло ощущение, что Рэгал копается в его воспоминаниях с такой скоростью, что это откровенно настораживало. Даже с его способностями варга он не мог полностью защититься от доступа Рейгала к своим воспоминаниям. Единственным выходом было прервать связь, что он и сделал.

Джон сделал несколько тяжелых вдохов, чувствуя себя так, словно пробежал через всю деревню. В горле пересохло, и ему захотелось выпить чего-нибудь, чтобы облегчить этот зуд. Он поднялся на ноги, используя Лонгклава как костыль, но вдруг почувствовал, что его тело напряглось, и сознание снова отделилось от тела. Пелена тьмы рассеялась, и вместо этого он обнаружил, что стоит на вершине здания, а на него падает утреннее солнце. Его глаза расширились, когда он увидел широкий раскинувшийся город с гигантской пирамидой, почти касающейся облаков. Он увидел, что прямо над его головой пролетел Ригал и направился на запад.

Джон почувствовал чье-то движение за спиной и быстро повернулся лицом к пожилому человеку в черных одеждах.

"Думаю, тебя можно поздравить. Вы первый человек в истории, которому удалось успешно превратиться в дракона. Простите, что не представился. Я - Бринден Риверс, но меня также зовут трехглазый ворон", - сказал Бринден, подойдя ближе к краю здания и наблюдая, как Ригал улетает прочь, несмотря на крики Визериона.

"Как ты...?"

"Я гринсир, и у меня есть способность подключаться к твоему разуму, а также ко всем разумам всех живых существ в мире. Ты тоже гринсир, боюсь, это недавно пробудившийся дар, но ты справляешься с ним лучше, чем твой кузен", - сказал Брандон, повернувшись лицом к Джону и медленно сев на край здания.

"Бран с тобой?" спросил Джон, чтобы подтвердить то, что он знал о временной линии, потому что даже со всем происходящим он не мог ожидать, что все пойдет так же, как в сериалах.

Его собственные действия уже привели к огромному расхождению, и последствия его действий

на данный момент неизвестны. Кроме того, он считал, что в сериале вся временная линия была нарушена, заставляя людей появляться через червоточины или что-то в этом роде. Согласно преобладающей теории, Вестерос и Эссос были усеяны червоточинами, которые каким-то образом переносили людей на сотни миль за секунду.

"Не бойся, Дейрон. Твой кузен в безопасности со мной, и со временем он доберется до тебя невредимым".

"Не называй меня этим именем. Кто ты? Откуда ты знаешь это имя? Почему я здесь?" Джон спросил с опаской, не желая показывать Бриндену свои истинные знания, на случай, если тот будет настроен враждебно.

"Если ты предпочитаешь Джона Сноу, то я буду звать тебя именно так. Когда-то у меня был брат по имени Даэрон, Джон Сноу. Я - Бринден Риверс, внебрачный сын Эйгона IV и брат короля Дейрона Второго. Я знаю твое имя, потому что наблюдал за тобой, когда ты родился, и наблюдал, как ты вырос и достиг своего положения. Что касается того, зачем я здесь, так это чтобы встретиться с тобой лично и помочь тебе всем, чем смогу. Ты и твой кузен Брэндон - единственные два человека, у которых пробудился дар Зеленого Света, кроме меня, за многие века. Ваша сила будет крайне необходима в наступающей Долгой Ночи", - со вздохом сказал Бринден.

"Значит, ты знаешь о Других. Где ты и где Бран?" спросил Джон.

"Я знаю о Других, и я обучаю молодого Брана, чтобы он полностью контролировал свои дары. Мне очень жаль, что я не смогу помочь тебе так сильно, как хотелось бы. Кроме того, тебе предстоит сыграть свою роль в объединении Вестероса, когда придет время. Но я пришел сюда, чтобы предложить свое ограниченное время для твоего обучения, а также передать тебе кое-что. В твоих руках это найдет лучшее применение". С этими словами Бринден начал показывать ему воспоминания...

Когда Джон вышел из воспоминаний, он стоял на коленях перед деревом Вейрвуд. Он потирал лоб, так как небольшая головная боль давала о себе знать. Пока она не усилилась, он решил сделать то, что должен, и найти маленький подарок, оставленный Бринденом неподалеку от Вейрвуда. Он собирался найти Темную Сестру, и это сделало бы его притязания более весомыми. Но ему все еще не хотелось заявлять о своей легитимности, потому что это будет нелегкая битва с множеством минусов. Но как бы там ни было, он не собирался отказываться от дополнительного клинка из валирийской стали.

Петир Бейлиш с сардонизмом наблюдал за неумелыми попытками Робина Аррена стрелять из лука. Он бросил взгляд в сторону лорда Ройса, и его позабавило, что лорд Рунстоуна тщетно пытался скрыть разочарование боевыми способностями будущего лорда Долины.

Лично он считал это поводом для радости, поскольку его подопечный сумел хотя бы перевести стрелу из одной точки в другую. Ему очень повезло, что Робин Аррен унаследовал больше от своей воздушной матери, чем от отца. Это значительно упрощало его планы, а следовательно,

и сохраняло мальчику жизнь. Пока мальчиком было легко манипулировать, он был вполне счастлив оставить "милого Робина" в его искаженном и болезненном существовании.

Питер прервал свои размышления, когда один из его людей подошел к нему, протягивая рулон пергамента. Когда он прочитал содержание пергамента, его глаза заблестели от восторга, поскольку еще один его план осуществился. Его авантюра окупилась, и Санса успешно сбежала из Винтерфелла, когда Станнис Баратеон напал на Винтерфелл.

Хорошей новостью было то, что Станнис мертв, убрав с доски еще одного своего потенциального врага, оставив Болтонам легкий выбор. Среди северных домов возникли разногласия, и пришло время сделать свой ход и захватить Север вместе со своей любимой Сансой.

Правда, она могла пострадать, но именно в страданиях люди находят силу. Сам Петир родился из страданий влюбленного юноши, которого его настоящая любовь отвергла в пользу политического поединка с Великим Домом.

Спустя десятилетия после этого случая Петир стоял на вершине, в то время как Дом Талли и Дом Старк были стерты с лица земли. Теперь пришло его время, и он собирался вскоре отпраздновать свое полное господство над Долиной, Севером и Речными землями с помощью дочери Кейтилин. Хотя Санса не была чиста телом, он не возражал против этого. В конце концов, он позаботился о том, чтобы ее разум всегда принадлежал ему, ведь он обучил ее думать определенным образом. Для него это была высшая степень собственности, и он с нетерпением ждал встречи со своей инвестицией.

Пришло время рыцарям Долины отправиться на Север за ним и его новой невестой. Он с нетерпением ждал новой встречи с Сансой. С этой радостной мыслью он обратился к Робину Аррену и тонко подвел мальчика и окружающих его людей к тому, чего хотел Петир.

http://tl.rulate.ru/book/83650/2677107